

А.А. Кротов

«СМЕРТЬ» ФИЛОСОФИИ? (О КОНЦЕПЦИИ Ж.-Ф. РЕВЕЛЯ)

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; e-mail krotov@philos.msu.ru

В статье анализируется концепция члена французской Академии о «смерти» философии, которая опирается на своеобразные представления о функциях философии и ее исторической роли, что позволяет в очередной раз актуализировать вопрос о природе философского знания. В статье рассматривается учение Ревеля об «иллюзиях», свойственных философам, их неоправданных, с его точки зрения, притязаниях. Ревель интересен прежде всего как выразитель одной из тенденций, связанной с восприятием философского текста в современных условиях. Это восприятие отнюдь не сводится к абстрактному логическому анализу, для него характерен эмоциональный настрой. Свое выражение он находит в пренебрежительно-обобщенных оценках целых направлений и эпох философского творчества, приводимых без опоры на скрупулезное исследование. Без сомнения, некоторые критические замечания Ревеля в адрес отдельных авторов и по поводу стиля написания философских работ справедливы. Тем не менее позиция Ревеля сталкивается с немалыми затруднениями. С одной стороны, попытка выдать за обобщенную формулу философии представления, свойственные одному из этапов ее развития, существенно снижают ценность его суждений. С другой стороны, французский мыслитель относит доказательную часть философии к ее внешнему, совершенно упуская из вида «архитектонику систем», вне которой постичь их своеобразие, способ построения и внутреннюю логику крайне затруднительно. Констатируя «смерть» философии, Ревель в действительности выносит приговор не ей самой, но лишь устаревшему представлению о ней.

Ключевые слова: Ревель, природа философского знания, французская философия, философия истории философии

Книга члена французской Академии Жана-Франсуа Ревеля «История западной философии» была анонсирована издательством в ее новейших выпусках как предназначенная для «честного человека XXI в.». Провозглашенный в ней тезис о «смерти» философии, по-видимому, выглядит привлекательно с точки зрения рекламной политики, ставящей целью увеличение продаваемых тиражей, равно как отражает умонастроения особой группы внутри ин-

теллектуального сообщества. «Похоронный настрой» находит сегодня определенное число приверженцев, и вопрос о предмете философского знания снова актуализируется.

Конечно, критическое отношение к философской деятельности в той или иной степени присутствовало в обществе всегда. Не в последнюю очередь оно стимулировало развитие самой философии. Если говорить о французской культуре, свидетельства споров сторонников и критиков философии легко найти уже в достаточно отдаленные времена. Например, автор первой, написанной на французском языке, истории философии Андре Франсуа Буро-Деланд отмечал два типа критиков философии, ставящих целью доказать ее недостоверность, легковесность, незначительность. Их задача – по мысли автора «Критической истории философии» – принизить значение философии, убедить людей, несведущих в ее вопросах, что она и недостойна внимания, и лишена малейшей ценности. «Одни говорят, что она бесполезна или, по крайней мере, вся сомнительна, что она занимается лишь пустяками и опытами более утомительными, чем любопытными; что она слишком долго останавливается на исследовании насекомого или какой-нибудь раковины, на наблюдении необычного метеора; что, наконец, все ее высоко ценимые исследования или малозначимы, или безразличны для общества»¹. Другие направляют всю силу своих аргументов против образа жизни философов, который объявляется странным, не соответствующим ни обычаям, ни здравому смыслу, вызывающим едкую иронию либо снисходительное недоумение. Особенности оригинального поведения философов они объясняют стремлением выделиться хоть чем-то среди людей при отсутствии подлинных заслуг, которые позволяли бы претендовать на славу и восхищение. Деланд отвечал критикам философии доводами вполне традиционными, но отнюдь не лишёнными значения: невежество побуждает отвергать то, чего не понимают; лень ума закрывает путь к исследованию отнюдь не простых по своей сути абстрактных истин; человеческие слабости, проявляющиеся в желании отличиться, не свидетельствуют против науки как таковой.

Еще чаще звучали обвинения в адрес всей прежней философии, сопровождавшие призыв к ее радикальному обновлению, по существу, упразднению и замене объявляемой устаревшей, непригодной к развитию формы другой, новой. Весьма показательный пример подобного рода – позитивизм. Отвергавший предшествующую философскую традицию как метафизическую, родоначальник позитивизма О. Конт заявлял, что «завершение метафизической системы состоит в понимании, вместо различных частных сущностей, одной общей сущности, природы, в качестве причины всех феноменов»². Для Конта признаком научной неудовлетворительности метафизического подхода выступала связываемая с ним теоретическая произвольность и практическая бесполезность. Конечно, предлагаемая им собственная модель мыслилась как полностью лишенная названных недостатков.

Но если расцвет позитивизма, его влияние были напрямую связаны с промышленным ростом, развитием науки и техники в XIX в., то концепция Ревеля появляется в иных культурных условиях. Жан-Франсуа Ревель (псевдоним Ж.-Ф. Рикара, 1924–2006), выпускник Эколь Нормаль, преподававший философию в Лилле, Париже, Мехико и Флоренции, получил достаточно широкую

¹ *Boureau-Deslandes A.F.* L'Histoire critique de la philosophie ou l'on traite de son origine, de ses progrès et des diverses révolutions qui lui sont arrivées jusqu'à notre temps. T. 1. Amsterdam, 1737. P. viii.

² *Comte A.* Premiers cours de philosophie positive. P., 2007. P. 58–59.

известность благодаря своей журналистской деятельности. В частности, в 1978–1981 гг. он занимал должность директора «Экспресс». Ревель выступал критиком коммунистической идеологии, марксистского «догматизма». Его сознание чуждо какой-либо религиозности. Он говорил о современной эпохе как времени господства «малозаметной цензуры». По его мысли, считая себя свободными, многие существуют в обществе многочисленных запретов. Наряду с политической публицистикой, творчество Ревеля охватывает вопросы истории культуры (литература, искусство, гастрономические вкусы).

Естественной «философской средой», на которую и обрушивается по большей части его критика, для него выступал экзистенциализм и различные формы структурализма. Смещение акцентов в философской культуре на рубеже XX и XXI вв. для Ревеля не послужило поводом к пересмотру позиции. Новшества и трансформации, последовавшие в сфере философии последних десятилетий, он трактовал как малозначительные, ничуть не требующие корректировки высказанных им ранее идей.

В современных условиях, по Ревелю, философия «более невозможна». Но когда-то она была необходима. «Вначале философия рождается, отделяясь от религии. Затем наука рождается, отделяясь от философии и одновременно от религии. С тех пор философия сближается то с наукой, то с религией»³. В прошлом философия с успехом служила питательной почвой для развития научных идей. В качестве принципов написания ее истории, принимаемых им, Ревель называет следующие: отказ от свойственного неудачным систематизациям стремления приписывать грекам современные проблемы; умение дистанцироваться от распространенного подхода, чрезмерно отделяющего философию от истории науки и религии, политических событий, экономических тенденций и «психологических факторов». Автор «Истории западной философии» настаивал, к примеру, что совершенно неверно пытаться понять картезианскую модель Бога как гаранта научной истины, исходя единственно из «абстрактной и вневременной дедукции». Следует принять во внимание особенности западноевропейской цивилизации XVII в., «культурный фон», определивший формирование и скрывающийся за суждениями основателя рационализма в философии Нового времени. В частности, в силу названных причин полностью исключалась возможность занятия Картезием атеистической позиции. С точки зрения Ревеля, философия всегда погружена в жизнь, и установка на рассмотрение ее истории как замкнутой на внутренние закономерности – всего лишь одна концепция из многих, отнюдь не самоочевидная истина.

Но недостаточно умения взглянуть на то или иное учение как на феномен некогда существовавшей цивилизации, необходимо, согласно Ревелю, ставить и другую цель. В истории философии следует всегда задаваться вопросом, насколько исследуемая система верна, сохраняет ли она для нас свое значение, признаем ли мы и в какой степени истинным ее содержание. Он говорил о вовлеченности в противоречие многих концепций истории философии, создаваемых в современную эпоху. Проводя аналогию с историей религии, Ревель замечает, что невозможно одновременно заниматься апологетикой и следовать предполагающимся объективным процедурам исследования. Сложно непредвзято защищать одну из религий и развертывать дескриптивную характеристику феноменов. Соответственно, «псевдоистория философии, склоняющаяся оправдать философию вообще по отношению к ее современным требованиям, заслуживала бы скорее названия пропаганды, чем истории»⁴.

³ Revel J.-F. Histoire de la philosophie occidentale. P., 2006. P. 29.

⁴ Ibid. P. 16–17.

Французский мыслитель категорично выступал против модернизации систем прошлого, против приписывания им понятий и выражений, заимствованных из современной культуры. Он именуется «распространенным предрассудком» отождествление модернизирующей установки с выявлением истинного содержания философских учений. Напротив, Ревель усматривал в подобном подходе уклонение и от правильной оценки исторической роли философских систем, и от ясного решения вопроса об их современном значении. Нежелание ясно выразить свою позицию по поводу учений прошлого Ревель считал следствием искажения справедливого требования относительно важности «проникновения» в мышление их создателей. Считая названное требование оправданным с точки зрения метода, он именуется его «условием всякого исторического понимания». Вместе с тем он настаивал на том, что само историческое понимание существенно именно как условие возможности дальнейшего продвижения к суждению, раскрывающему степень актуальности анализируемой философской системы, возможность ее использования в новых условиях. Кроме того, историк философии, согласно Ревелю, должен уметь взглянуть на изучаемый классический текст глазами тех людей, которые признавали его выражением вечной истины. Таким образом, весь метод историка резюмируется тремя вопросами относительно ценности философских идей «в самих себе» (обоснованность и согласованность с фактами), «для нас», а также о том, как они предстают в истории, в свою эпоху. Ревель предостерегал от стремления «перегрузить» историю философии чрезмерными подробностями, «затемнить» излагаемую проблему обилием деталей, многочисленными отступлениями, перечислением событий, связанных с деятельностью различных школ.

Исключительно значимым событием в истории, красочно живописуемым Ревелем, выступает кантовская философия. С его точки зрения, именно Кант осознал, что по прошествии более чем двухтысячелетнего развития, в ходе которого философия выдвигала то бесплодные, то удачные идеи, она должна, наконец, завершить развитие. «Критика чистого разума есть самое философское из всех философских сочинений, поскольку это произведение в некотором роде завещательное, пример единственного в своем роде самоотречения в истории, где философ объясняет, почему философия не может больше существовать»⁵. Исчерпанность содержания философии Ревель связывает с конституированием точного естествознания. По его мысли, на момент появления главного произведения Канта физика уже более столетия являлась строгой наукой, в то время как научные химия и биология находились в «стадии рождения». Они более не нуждались в философской опоре. Философы последних двух столетий, по Ревелю, предпочитали не обращать внимание на главный тезис Канта, делали вид, что он не доказан и даже не сформулирован. После Канта «философы продолжали существовать; но не философия. Философы после смерти философии не более чем имитаторы своих предшественников»⁶. Впрочем, Ревель добавляет, что в послекантовские времена философия превратилась в разновидность литературного жанра, среди разрабатывавших который встречались даже гении. Но главное событие заключалось в ином: философия утратила «функцию энциклопедического знания», долгое время являвшуюся ее неотъемлемой чертой, ее отличительной, даже сущностной особенностью.

⁵ Revel J.-F. Histoire de la philosophie occidentale. P. 515.

⁶ Ibid. P. 518.

Рождение различных наук, взявших на себя прежние задачи философии, сделало невозможным ее сохранение в качестве дисциплины, охватывающей и обобщающей все достижения человеческого познания, представляющей собой объяснение бытия. Поэтому Ревель называет выдающиеся философские учения послекантовского времени «блестящими литературными имитациями» великих систем древности. С его точки зрения, философия выполнила свою историческую миссию, которая заключалась в содействии возникновению многочисленных частных наук. «Философия, в древнем и классическом смысле, покинула сцену познания и сохраняется не более чем в форме словесной подделки этого знания»⁷. Да, философы, имитаторы, продолжают свою работу, но она лишена прежней значимости. Современная философия не вправе также претендовать и на статус особой мудрости, которая выполняла бы задачу не столько познавательную, сколько практическую, указывала бы путь к счастью. Раскрытие «искусства жизни» уже давно не является прерогативой создателей систем, гораздо лучше это удается эссеистам. Философия была «самым плодотворным предприятием» человеческого духа до конституирования науки.

В «Истории западной философии» Ревель ссылается на свое более раннее произведение «Зачем философы?» (1957), в котором были высказаны исходные установки, характерные для его понимания природы философии. В этой работе он называет «лицемерием» позицию тех, кто занимается профессиональным философствованием, ибо они побуждают других думать, будто современная философия существует как некая предметная общность. Он именуется «иллюзией» представления о единстве, однородности и непрерывности философии. В действительности термин «философия» применяется к самым различным, часто несовместимым по идейному содержанию текстам. По Ревелю, лишь в сфере философских размышлений, в отличие от других областей интеллектуальной культуры, европейская цивилизация все еще не освободила разум от влияния религии и риторики. Он полагал, что в современную эпоху философия неоправданно выступает в роли «заменителя» религии, риторика же способствует замещению подлинного исследования теоретических вопросов «заклинанием», убеждает в возможности решить проблему с помощью употребления изощренных словесных конструкций. Понимаемая в подобном ключе, риторика свойственна многим философским концепциям. «В этом смысле, наша философия есть частный случай подражательной магии»⁸.

Профессиональные философы, замечает Ревель, подчеркивают сложность своей предметной области, апеллируя к необходимости осваивать специальную терминологию и умение применять особые исследовательские процедуры. Согласно Ревелю, не существует ни специальной философской «техники», ни «словаря». Каждый великий мыслитель начинал как бы «с нуля». Поэтому правильнее говорить о «словаре» того или иного философского учения, но не о едином, общем для всех терминологическом аппарате. В этом отношении философия сильно отличается от науки. Некоторые убеждены, замечает Ревель, что современной философии свойственно использование «феноменологической техники». Но в реальности, по его мнению, феноменология – вовсе не «техника», а скорее «ориентация» или даже «духовный климат». Попытка определить ее приводит к расплывчатым, неточ-

⁷ Revel J.-F. Histoire de la philosophie occidentale. P. 519.

⁸ Revel J.-F. Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain. P., 1999. P. 121.

ным формулировкам, в то время как подлинные ее достижения зависят исключительно от личности исследователя, его культурного уровня и таланта. Поскольку каждая школа, традиция использует собственную терминологию, Ревель иронично заявляет, что правильнее говорить в подобной ситуации не о философии, а о схоластике, обновляемой усилиями различных поколений. Профессиональные философы последнего столетия, полагает он, не произвели никаких интеллектуальных революций, в результате их деятельности происходили лишь незначительные «дворцовые перевороты».

Ревель упрекает философов в произвольности их построений. Она объясняется тем, что «большая часть философских писателей не может решиться сказать что-нибудь без желания в то же время сказать все»⁹. Не довольствуясь чем-то несомненно известным, пусть и немногим, философы претендуют на «полное и окончательное» объяснение всех вещей. «Однако Спиноза не мог сказать все о мире или Гегель об истории просто потому, что состояние знаний в их время не позволяло им этого – не более это нам позволяет состояние наших. Но философы не любят ждать: они желают сказать все и немедленно»¹⁰. Французский мыслитель настаивал на том, что до тех пор, пока отсутствует апостериорное знание, замещающее его суждение или целая теоретическая конструкция – не более чем мнение. Каждый вправе его придерживаться или отвергать, но выдавать мнение за достоверное знание – действовать вразрез с философским духом. Об ином моралисте можно утверждать, что он интересен местами, но претендующая на истинность система должна быть справедлива не только в отдельных частностях.

Еще одной иллюзией, свойственной философам, французский мыслитель объявляет убеждение в особом характере их деятельности, будто бы радикально отличной от всех других форм интеллектуального творчества. По его мнению, в данном случае принимают за исходное, несомненное, самоценное как раз то, что является еще не достигнутой целью. Ведь философское рассуждение отнюдь не находится вне общекультурного контекста, нередко оно оказывается подвержено влиянию распространенных ошибок. Ценность высказываний философа об искусстве или истории зависит не от абстрактных принципов системы, которых всегда недостаточно, но от его таланта, приобретенных конкретных знаний в соответствующих областях, даже вкуса. Кроме того, философам пришлось принять столько возражений и поправок к своим системам со стороны ученых последних столетий, что они по необходимости ограничили свои притязания и попытки предписывать принципы наукам с позиции, предполагавшейся ранее более возвышенной. Достигшие зрелости науки не терпят диктата, более того, находят средства решить казавшиеся нескончаемыми дискуссии философов. «Большинство проблем, которые философия ставила себе в XVII и XVIII вв., были решены – или упразднены – физикой, психоанализом, политической экономией, историей, биологией и фактами»¹¹.

Выстраивая онтологию, философы рассуждали о Бытии как таковом, которое в действительности существует лишь для того, кто абстрагируется от всего конкретного, реального. Некоторые же пытались обнаружить это Бытие, следуя установке на философское «доминирование» над всем остальным знанием. В обоих случаях, по Ревелю, речь идет не о подлинном расширении

⁹ Revel J.-F. Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain. P. 47.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 51.

науки, но о двух способах рассуждать о мире, «не говоря ничего». Поскольку либо стремятся, обращаясь к бытию, вопрошать пустоту, либо следуют произвольным схемам, случайным предпочтениям.

Философствование, согласно Ревелю, не должно подменять собой деятельность частных наук, невежество в их сфере не может выступать основой осознания теоретической, а также практической, повседневной деятельности человека. «Таким образом, философия не может здесь ни заменить положительные знания, ни уклониться от них. Занимать место позитивности называется некомпетентностью, уклонение от нее называется иллюзией»¹².

Особенностью метода значительной части философов французский мыслитель называет стремление непременно начать свое произведение с критики всех предшественников, которая чаще всего бывает крайне несправедливой. Она оказывается обращенной скорее к воображаемым противникам, поскольку главные положения их учений предстают в упрощенной, смутной форме и при этом получают презрительное истолкование. Согласно Ревелю, до «апокалиптических высот» подобный метод доведен Хайдеггером. Случается и так, что философы критикуют «наивную мысль», противопоставляя ей собственную как глубокую и утонченную. Но никакой «наивной мысли», по мнению Ревеля, не существует, это – всего лишь абстракция, очередной миф, необходимый для придания веса и авторитета «философскому мышлению». Он призывает не переоценивать влияния философских текстов на науку последних столетий: «философия отсылает лишь к философии. Физика не была ни поставлена под угрозу Юмом, ни спасена Кантом»¹³.

Непосредственно предшествующие современной философии концепции, в значительной степени определявшие духовную атмосферу, в которой они формировались, Ревель оценивал весьма низко. Он называл бессильной французскую философскую мысль, берущую истоки в начале XIX в. «Спрашивается, каким образом было возможно этим людям написать столько тысяч страниц без малейшей видимости гениальности, без малейшей интересной идеи»¹⁴. Он именуется «кладбищем общих мест» интеллектуальную традицию предшествующей эпохи. Объяснение «философской бедности» во Франции он ищет в университетском преподавании. Сложившаяся система, на его взгляд, позволяет посредственностям, однажды занявшим руководящую должность, диктовать свои условия, определяя условия экзаменов, а также различных конкурсов, равно как и академическую карьеру более молодых коллег. Используя имеющиеся в их распоряжении административные рычаги, они устраняют «со всех уровней» тех, кто ставит под сомнение их «достижения» и авторитет. В подобном контексте Ревель язвительно определяет «французскую философскую традицию» как в большей своей части подчиненную исключительно соображениям заработка и карьеризма. Он добавляет, что большинство ее представителей наверняка не обратились бы к философствованию, если бы такую возможность не предоставлял университет. О бездарности и отсутствии подлинного размаха творческой мысли, на его взгляд, красноречиво свидетельствуют многочисленные посвящения, которые философы помещают в своих книгах. Он полагает, что посвящения последнего столетия переполнены лестью, трепетными изъявлениями благодарности по адресу «господствующих мэтров», «всесильных мандаринов». Абсолютная зависимость новичков от сложившейся иерархии ограничивает

¹² Revel J.-F. Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain. P. 52.

¹³ Ibid. P. 54.

¹⁴ Ibid. P. 60.

философские поиски и по избираемым темам исследования, и по способу рассуждения о них. С другой стороны, о существовании своего рода «монополии» свидетельствует издательская практика. Многие личности, чьи рукописи никогда не получили бы беспристрастного одобрения и не привлекли бы внимания издателей, добиваются публикаций десятками томов только потому, что имеют статус влиятельных профессоров и, соответственно, могут обязать к изучению собственных произведений как многочисленных студентов, вынужденных их приобретать, так и будущих коллег по факультету. Студенческая молодежь впустую растрчивает свои силы и время, скрупулезно изучая не заслуживающие серьезного отношения труды.

Непримиримый критик философов упрекает их в отсутствии подлинного уважения друг к другу, желании непременно превзойти всех предшественников, самомнении, доходящем чуть ли не до убеждения, что человечество «начинает по-настоящему мыслить только с ними». Но подобные интенции, на его взгляд, ничем не подкреплены, более того, в большинстве случаев философы оказывались в числе последних, осознавших значение таких явлений, как трансформизм, неэвклидова геометрия, психоанализ, исторический материализм, релятивистская физика и др. Примечательно, что именно психоанализ и исторический материализм Ревель отделяет от бесплодного философствования, рассматривая их как имеющие опору на практике. Хотя психоанализ, на его взгляд, нельзя назвать точной наукой, Фрейд достиг-таки настоящего прогресса в психологии, поскольку интерпретировал реальные факты.

Не имея возможности знакомиться с конкретными науками «из первых рук», т. е. занимаясь ими самостоятельно, философы, по мнению французского мыслителя, превратили эпистемологию в «невозможную и противоречивую» дисциплину. Они предполагают, что истина какой-либо науки может быть раскрыта людьми, ею профессионально не занимающимися. Это очевидное заблуждение покоится на предрассудке о существовании некой особой «философской точки зрения» на любую проблему науки. Но именно изолированного привилегированного «общего взгляда» на различные дисциплины не существует; любое обобщение в науке достигается благодаря анализу частных. Философская эпистемология на заре развития наук была оправдана потому, что наблюдения носили разрозненный и беспорядочный характер, фрагментарными были и выводимые на их основе теории. Но в современных условиях ситуация принципиально иная, философы же как будто не замечают произошедших в течение столетий изменений. Более того, они пытаются внести в познавательный процесс традиционные понятия и проблемы, давно утратившие всякое значение для науки и отброшенные ею. К названным проблемам, в частности, Ревель относит вопрос о соотношении субъекта и объекта. По его мнению, подобный вопрос мог быть сформулирован только в эпоху, когда природа представлялась людям возвышенным зрелищем, а сам человек, в силу религиозных и метафизических истолкований, рассматривался как принципиально отличный от нее, принадлежащий иному порядку бытия. Но в современных условиях человек действует на природу, а разделение мира на материальный и духовный не отвечает установкам науки. Прежний способ философствования, таким образом, совершенно упразднен развитием научного знания. Поэтому нелепы и безнадежны попытки его реанимировать, анализируя современные достижения наук посредством понятийного аппарата далекого прошлого. «Настал, кажется, момент предложить отказ от слова «философия», которое не отсылает ни к какой определенной

области»¹⁵. Философствующие современники, настаивал Ревель, все еще придерживаются средневекового идеала, «имплицитно религиозного» представления о своей деятельности, якобы связующей науку и мудрость, приводящей к знанию об абсолютном.

В предисловии 1971 г. к работе «Зачем философы?» Ревель представил свое концептуальное объяснение причин сохраняющегося у многих интереса к предметной области, исчерпавшей, по его мнению, свои возможности. Кроме того, он останавливается на оценке философских идей, получивших распространение после выхода в свет первого издания названной книги. Он подчеркивает масштабность поставленной в работе задачи. По его мнению, только философии свойственно воспроизводство прошлого, в то время как ни в науке, ни в сфере искусства невозможно повторение. В философии непрерывно осуществляется включение прежней проблематики в круг рассуждения, сопряженный с «новой фразеологией». С изрядной долей насмешки он определяет «философское искусство» как «переодевание» архаичного содержания в революционные по своей форме высказывания. В свою очередь, философский «талант» предстает в подобной системе отсчета в качестве способности придать броскую, новаторски-привлекательную форму повторению уже встречавшегося в истории. Соответственно, в истории происходит не опровержение философских систем, но их последовательная смена. Одна философия вытесняется другой, причем отнюдь не вследствие удачно приведенной аргументации. В период господства философской системы, ее наибольшего влияния, никакие возражения не могут поколебать ее авторитета. И наоборот, уже утратив свое положение, она не в состоянии возродить былое величие, какие бы средства отстаивания своей правоты ни использовала. Самые бессодержательные положения системы не вредят ей в глазах большинства умов в эпоху ее расцвета. Напротив, ее лучшие, удачные идеи уже не привлекательны для большинства, когда она низвергнута. На некоторое время утверждается новый философский язык в роли «неуязвимого». «Бесполезно спрашивать себя, в силу какого доказательства вторая теория признана превосходящей первую»¹⁶. Просто потому, что его нет, точнее, присутствует лишь видимость такого доказательства. «О чем нужно спрашивать себя, следовательно, так это не о том, какова ценность аргументов, устанавливаемых теорией, но какие потребности эта теория удовлетворяет»¹⁷. По-настоящему важно не видимое, но «латентное» содержание философской теории. Находящаяся «на поверхности» аргументация в действительности не особенно интересует читателей. Поэтому «наивно» вести дискуссию на уровне внешнего содержания учения, представленного аргументами. Часто бывает так, что при смене философского языка внутреннее содержание остается прежним и вступающие в борьбу направления по существу утверждают некую общую позицию.

«Философия не имеет доказательств, только испытания»¹⁸. Успех новой системы объясняется тем, что, используя отличную от предшествующей терминологию, своего рода иной вербальный порядок, она отвечает тем же потребностям людей, что и прежняя доктрина. Применительно к ситуации 60-х гг. XX в. Ревель говорил о том, что бесполезно пытаться защищать эк-

¹⁵ Revel J.-F. Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain. P. 111.

¹⁶ Ibid. P. 4.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 5.

зистенциализм от структурализма, задаваясь вопросом, какие доводы способствовали возвышению последнего. Интенциональность и прозрачность cogito не опровергнуты, а признаны устаревшими. В области современной культуры наблюдается определенный «аннексионизм»: периодически сроком на несколько лет утверждается определенный язык, стиль рассуждения, распространяющий свое влияние на самые различные области знания. Сменив феноменологию, в «экспансионистскую фазу» вступил структурализм, причем по мере все более широкого распространения он становится менее определенным, теряет точность.

Мода на философские концепции внезапно захватывает интеллектуальные круги и столь же быстро проходит. Ревель говорил о трех слоях интеллектуальной моды, включающих признанные, но мало читаемые тексты; деятельность эпигонов; неизбежно сопровождающее ее «аморфное мнение». Когда система теряет популярность, ее поборники прилагают усилия к тому, чтобы восстановить «чистоту», демонстрируют верность в условиях отхода от нее многих умов. Такова практика, которой всегда следует определенная часть философского сообщества.

Природу философии Ревель трактует как идеологическую. «Будучи идеологией, философия имеет свой центр притяжения в выполняемых функциях, а не в высшей степени изменчивых аргументах, ею используемых, или в периодических обновлениях ее языка»¹⁹. Именно поэтому в рамках философии возможно постоянное возвращение к прежней проблематике. Рассуждая о современной ситуации, французский мыслитель связывал успех целого ряда философских учений с тем обстоятельством, что они превосходно отвечают «глубокому желанию» буржуазной публики «общества потребления» чувствовать себя причастной утонченной интеллектуальной культуре. Утонченность позволяет ощущать себя частью элиты; вместе с тем носители буржуазного сознания удовлетворяют с помощью популярных концепций потребность быть «обманутыми», поскольку усваиваемая ими культура отнюдь не передовая, не «революционная», а всего лишь воплощающая «мирской нарциссизм». Многих привлекает обманчивая связь революционных претензий с реакционностью содержания мысли, имитация оппозиционности.

В предисловии 1979 г. Ревель говорит о своей книге как о личном и вполне искреннем прощании с философией. Он настаивал, что историческая роль философии как особого знания завершена, а потому она может оставаться только «блестящим надувательством». Дисциплина, которая «давно мертва» в плане неспособности внести что-либо новое в историю идей, продолжает занимать многие умы из-за выполняемых ею социальных функций.

В своем стремлении доказать, что роль философских систем в культуре Нового времени часто и неоправданно преувеличивают, Ревель выступил с исследованием «Декарт, бесполезный и сомнительный» (1976). Ревель упрекает Декарта в непонимании подлинного духа интеллектуальной революции XVII в., который связывает с экспериментальным методом, предполагающим движение от фактов к причинам. Декарт же пытался вывести всю систему знания из нескольких метафизических принципов, которые навязываются природе. Картезианство вовсе не новаторская философия, поскольку строится по образцу предшествующей традиции, хотя словесно и противопоставляет себя ей. Все картезианство, по Ревелю, заключено в убеждении, что познание Бога приводит к постижению всего мира. С его точки зрения, подобная

¹⁹ Revel J.-F. Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain. P. 4.

установка идет вразрез с позицией ученых XVII в., которые не ставили в зависимость познание материальных предметов от предварительно установленных метафизических принципов. В то время как «мыслящая Европа», работающая над преобразованием всей системы человеческого знания, последовательно проводит разграничение науки и метафизики, Декарт ставит одну в зависимость от другой. «Пионером науки Нового времени» Декарта, по Ревелю, провозгласил XIX в., в то время как выдающиеся ученые-современники вовсе не рассматривали его в качестве такового. Хотя Декарт заменил схоластические темы собственными, его «мотивации, стремления, иллюзии» не заключали ничего нового. «Его историческая роль состояла в решении проблемы адаптации теологической мысли к научной эпохе и замене древнего догматизма новым»²⁰.

Современный исследователь Жан-Марк Лашо справедливо обращает внимание на социальную заостренность творчества Ревеля: «начиная со своих первых опытов, Ж.-Ф. Ревель выдвигает обвинение конформизму, поддерживающему современную идеологию»²¹. Пьер Бонсен полагает, что в своей борьбе с распространенными в социальной сфере иллюзиями и ложью, сопровождавшейся стремлением понять «способ функционирования человеческого разума», Ревель фактически пытался ответить на два главных для себя вопроса – о том, как следует правильно жить и как нужно управлять обществом²². Филипп Буланже связывает различные аспекты творчества Ревеля с последовательной защитой ценностей либеральной демократии²³.

Концепция Ревеля, безусловно, заслуживает особого внимания, прежде всего в силу того, что отражает определенную грань современной культуры. Разумеется, далеко не все согласны с его подходом. Если говорить о современной французской философии, достаточно упомянуть, к примеру, Фредерика Нефа, который настаивает на том, что «метафизика не умерла», и ставит одной из важнейших задач своего обширного труда «выдвинуть доказательства ее существования после ее конца, возвещенного Гегелем и Ницше»²⁴. Но Ревель интересен прежде всего как выразитель одной из тенденций, связанной с восприятием философского текста в сегодняшних условиях. Перед нами особый тип восприятия, который отнюдь не сводится к абстрактному логическому анализу, для него характерен эмоциональный настрой. Конечно, эмоциональный настрой мотивирован определенными соображениями, предполагает их. Свое выражение он находит в пренебрежительно-обобщенных оценках целых направлений и эпох философского творчества, приводимых без опоры на скрупулезное исследование. Без сомнения, в критических замечаниях Ревеля в адрес отдельных авторов и стиля написания философских работ зачастую присутствует немало справедливого. Он метко демонстрирует слабость, неопределенность рассуждений некоторых из них о бытии как таковом. Он оправданно требует профессиональных знаний в конкретных областях от тех, кто выносит суждения о путях развития той или иной науки. Он предъявляет историку философии требования, которые сложно счесть неуместными: решительный отказ от попыток модернизации систем прошлого; обязательное включение философии в культурную ситуацию ее времени, в ее взаимосвязи с наукой, религией, политикой и др.; постановка вопроса об истинном содержании учений.

²⁰ Revel J.-F. Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain. P. 762.

²¹ Lachaud J.-M. Revel // Dictionnaire des philosophes. T. 2. P., 1984. P. 2217.

²² Boncenne P. Pour Jean-François Revel. Un esprit libre, P., 2006.

²³ Boulanger P. Jean-François Revel, La démocratie libérale à l'épreuve du xxe siècle. P., 2014.

²⁴ Nef F. Qu'est-ce que la métaphysique? P., 2004. P. 15.

Тем не менее «похоронный настрой» Ревеля сам сталкивается с немалыми затруднениями. В различные исторические эпохи взаимоотношение философии с наукой, религией, искусством, политикой истолковывалось по-разному. Соответственно, особое освещение получал и предмет философии. Попытка выдать за обобщенную ее формулу представления, свойственные одному из этапов развития философии, существенно снижает ценность позиции Ревеля. Кроме того, далеко не все функции философии взяла на себя наука. Разве моральное учение – ее неотъемлемая часть? С другой стороны, если бы аргументация действительно не имела особого значения для успеха системы, сами философы легко догадались бы об этом еще в глубокой древности и их деятельность приняла бы совсем другой облик.

Отождествление философии с идеологией, несомненно, дает упрощенную картину реальности. Если единственная задача, выполнявшаяся философией последних двух столетий, заключается не в поисках истины, но в удовлетворении определенных социальных запросов, то как объяснить поразительное многообразие возникших учений? Именно бесспорное социальное основание для подобной диверсификации найти нелегко. Очевидно, возникновение и развитие философских теорий имеет свои законы, но столь ли они просты? Стремление развивая общий взгляд на философию уйти от перегруженности фактами и деталями неизбежно приводит к выпадению из поля зрения весьма существенных ее аспектов.

Констатируя «смерть» философии, Ревель в действительности выносит приговор не ей самой, но лишь устаревшему представлению о ней.

The 'death' of philosophy? (On Jean-François Revel's thesis)

Artem Krotov

DSc in Philosophy, Head of the Department of History and Theory of World Culture, Faculty of Philosophy, Moscow Lomonosov State University, 27/41 Lomonosovsky Prospect, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: krotov@philos.msu.ru

This paper contains an analysis of the thesis about the 'death' of philosophy advanced by the celebrated French author, member of the French Academy Jean-François Revel in his *History of Western Philosophy (Histoire de la philosophie occidentale, de Thalès à Kant, 1994)*, the book which for its 2003 reprint was announced as intended for the 'honest man of the 21st century'. Revel's idea of the 'death' of philosophy is based on a peculiar understanding of its function and historical role, and a closer look at his arguments allows fresh insight into the nature of philosophical knowledge. Revel built up an impressive doctrine with regard to what he calls the common 'illusions' of the philosophers and their unjustified claims. It makes Revel the foremost representative of an important contemporary attitude toward philosophical texts. This approach refuses to be reduced to abstract logical analysis and wants to make philosophy an emotional experience. It finds its manifestation in unfounded, but very generic statements dispraising the entire areas of philosophical knowledge. No doubt Revel's critical remarks against some philosophers and the style of their writing are very reasonable. Still, his position is hardly convincing. His attempt to present as the sum of philosophy certain views typical only of a restricted period in its history significantly brings down the value of his judgements. Moreover, while discounting the argumentative part of philosophy as some sort of external and irrelevant cover, he completely ignores the 'architectonics' of philosophical systems, outside which it becomes increasingly difficult to understand the originality of each system and the internal logic of its construction. By stating the 'death' of philosophy, Revel in fact pronounces his sentence only against an outdated idea of it.

Keywords: Jean-François Revel, nature of philosophical knowledge, French philosophy, philosophy of history of Philosophy

Список литературы / References

- Boncenne, P. *Pour Jean-François Revel. Un esprit libre*. Paris: Plon, 2006. 343 pp.
- Boulanger, P. *Jean-François Revel, La démocratie libérale à l'épreuve du xxe siècle*. Paris: Belles Lettres, 2014. 444 pp.
- Boureau-Deslandes, A.F. *L'Histoire critique de la philosophie ou l'on traite de son origine, de ses progrès et des diverses révolutions qui lui sont arrivées jusqu'à notre temps*, t. 1–3. Amsterdam: Francois Changuion, 1737.
- Comte, A. *Premiers cours de philosophie positive*. Paris: PUF, 2007. 546 pp.
- Lachaud, J.-M. "Revel", *Dictionnaire des philosophes*, t. 2. Paris: PUF, 1984, p. 2217.
- Nef, F. *Qu'est-ce que la métaphysique?* Paris: Gallimard, 2004. 1062 pp.
- Revel, J.-F. *Histoire de la philosophie occidentale*. Paris: Nil editions, 2006. 523 pp.
- Revel, J.-F. *Pourquoi des philosophes. Pour l'Italie. Sur Proust. La cabale des devots. Contresensures. Descartes inutile et incertain*. Paris: Robert Laffont, 1999. 770 pp.